

Научная статья
УДК 343.1
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-2-211-216>

О целесообразности включения дефиниции «электронные доказательства» в уголовно-процессуальный закон

Рябова Оксана Васильевна

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, ataeva.2013@inbox.ru

Аннотация. Данная статья посвящена изучению института электронных доказательств в контексте определения его истинного местоположения в системе источников доказательств, сформированной и функционирующей в рамках российского уголовно-процессуального законодательства, действующего на протяжении длительного периода времени. Для рассмотрения и последующего анализа в работе излагаются позиции ученых относительно решения вопроса о целесообразности включения дефиниции «электронные доказательства» в действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Отмечается дифференцированный подход к проблеме исследования феномена электронных доказательств и его применению в качестве самостоятельного вида в системе вещественных доказательств. С учетом условий современных реалий с практической стороны освящается применение института электронных доказательств в процессе доказывания на начальных этапах уголовного судопроизводства, вследствие чего обозначается необходимость нововведения в имеющуюся систему вещественных доказательств отдельного и самостоятельного вида — электронных доказательств.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, вещественные доказательства, электронное доказательство, доказывание, нормативно-правовая регламентация, уголовно-процессуальный закон

Для цитирования: Рябова О. В. О целесообразности включения дефиниции «электронные доказательства» в уголовно-процессуальный закон // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 2 (58). С. 211—216. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-2-211-216>.

Original article

On the expediency of including the definition of “electronic evidence” in the Criminal Procedure Law

Oksana V. Ryabova

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, ataeva.2013@inbox.ru

Abstract. The article is devoted to studies of “electronic evidence” institutions in a context of determination of its true position in a system of evidence sources which is formed and functions within russian criminal procedure law existing for a long time. For reviewing and then analysing in this study there have been presented positions of scientists concerning the question of appropriateness of inclusion of the definition “electronic evidence” in existing russian criminal procedure act. There is differentiated approach to the problem of studying the “electronic evidence” phenomenon and its usage as independent type in the system of physical evidences. Taking into account the actual reality conditions, usage of “electronic evidences” in the process of proof on the starting level of criminal procedure is presented from the point of practice, thus, the necessity of innovations of independent and separate type into the existing system of physical evidences is marked.

Keywords: criminal proceedings, physical evidence, electronic evidence, proof, legal regulation, criminal procedure law

© Рябова О. В., 2022

For citation: Ryabova O. V. On the expediency of including the definition of “electronic evidence” in the Criminal Procedure Law. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 2 (58), pp. 211—216. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-2-211-216>.

Рассматривая вопрос о создании, нормативно-правовом регулировании и последующем официальном закреплении в действующем Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — УПК РФ) дефиниции «электронные доказательства» как самостоятельного и относительно независимого института системы вещественных доказательств, перед законодателем или лицом, занимающимся законотворческой деятельностью, своевременно встает вполне очевидный вопрос. Представляется важным получить ответ относительно того, так ли целесообразно и необходимо нововведение принципиально нового института электронных доказательств в уже сложившуюся систему вещественных доказательств? Систему доказательств, апробированную в течение длительного периода времени, с учетом временных промежутков, в рамках которых те или иные положения уголовно-процессуального законодательства претерпели различные изменения в своей системе, структуре и содержании, выразившиеся в дополнении, изменении или исключении положений, необходимость в которых или ее отсутствие была продиктована развитием современного общества.

Прежде чем разобраться в озвученном нами вопросе, считаем целесообразным кратко ознакомиться с институтом вещественных доказательств, который существуют на данный момент в уголовно-процессуальном законе.

Полагаем, что будет более разумно отказаться от цитирования норм действующего уголовно-процессуального законодательства, упорядочивающих содержание, структуру и порядок регулирования института «вещественных доказательств», которым отведено место в диспозициях статей 81, 81.1 и 82 главы 10 УПК РФ, и упомянуть лишь выдержку из содержания вышеперечисленных правовых норм. Следует отметить, что в уголовно-процессуальном праве дается определение понятия вещественных доказательств, под которыми надлежит понимать любые предметы, которые, во-первых, служили орудиями, оборудованием или иными средствами совершения преступления или сохранили на себе следы преступления; во-вторых, на которые были направлены преступные действия, а также деньги, ценности и иное имущество, полученные в результате совершения

преступления; в-третьих, иные предметы и документы, которые могут служить средствами для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела [1]. Кроме того, законодатель определяет порядок их процессуального оформления, признания и приобщения в качестве вещественных доказательств, а также упорядочивает процедуру их хранения.

Рассуждая на данную тематику, многие исследователи отмечают, что институт вещественных доказательств представлен в виде единой полноценной системы, которая не нуждается в каком-либо дополнении, в частности в включении в систему вещественных доказательств самостоятельного подвида доказательства, которое именовалось бы электронным доказательством.

Данной позиции придерживаются Р. Г. Бикмеев и Р. С. Бурганов, которые рассуждают о том, что функционирующая на сегодняшний день в уголовном процессе система вещественных доказательств не требует проведения какого-либо преобразовательного процесса, связанного с включением в имеющуюся систему электронных доказательств. Аргументируя свою позицию, ученые отмечают, что поскольку электронным доказательствам присущи признаки вещественных доказательств, наличие этого факта говорит об отсутствии потребности и необходимости в указанной процедуре [2].

По мнению Р. И. Оконенко, рассуждать в настоящий момент о внедрении электронных доказательств в действующую систему уголовно-процессуального законодательства заблаговременно, ввиду того, что на современном этапе развития уголовного процесса институт вещественных доказательств еще не готов к такому шагу, как введение не столько малоизученного, сколько проблематичного подвида доказательства в свою структуру [3].

Анализируя точку зрения П. С. Пастухова, необходимо отметить, что выделение принципиально нового и самостоятельного вида вещественных доказательств и последующая нормативно-правовая регламентация электронных доказательств в уголовно-процессуальном законе нецелесообразны, так как существующая на сегодняшний день категория вещественных доказательств может расширить свое содержание путем видоизменения имеющейся дефиниции «вещественные доказательства» [4].

Однако, как и в любом исследовании, любой заявленной позиции, точке зрения или мнению, всегда найдется диаметрально противоположный взгляд инакомыслящих, которые будут полагать обратное и считать, что включение дефиниции «электронные доказательства» в действующее процессуальное право — это неотвратимый и неизбежный этап сознательного развития и усовершенствования уголовного процесса как отрасли права, доктрины, учебной дисциплины и отдельного вида государственной деятельности.

Сторонниками идеи нововведения термина «электронные доказательства» и его применения как в научном, так и в законотворческом процессе являются В. Б. Вехов, который не только ратует за «легализацию» института электронных доказательств, но и предлагает свою разработанную классификацию [5]. Н. А. Зигура, П. Г. Марфицин и С. В. Зуев солидарны с мнением последнего и также отмечают, что пришло время для процесса реструктуризации действующей на сегодняшний день системы вещественных доказательств, основа которого будет заключаться во внедрении института электронных доказательств в систему вещественных доказательств на законодательном уровне [6—8].

По какой причине следует согласиться с тем, что потребность научного толкования электронных доказательств как отдельного и самостоятельного вида вещественного доказательства нуждается в закреплении на законодательном уровне? Отвечая на данный вопрос, полагаем, что будет правильно, справедливо и закономерно обратиться к практической составляющей уголовного судопроизводства, а конкретно к правоприменителям — лицам или, вернее будет выразиться, субъектам уголовно-процессуальной деятельности, которые в порядке, регламентированном существующим уголовно-процессуальным законом и обязательным для исполнения, оперируют имеющимися положениями в своей непосредственной трудовой, служебной деятельности. Это обусловлено тем, что процессуальная деятельность конкретного субъекта уголовного судопроизводства, логичным результатом которой является принятие законного и обоснованного решения по результатам выполненного процесса, неразрывно соотносится и согласовывается с правоприменительной природой упомянутой деятельности, на что П. А. Лупинская нередко акцентировала свое внимание в своих научных трудах [8].

Проследить вышеупомянутую связь будет проще на примере анализа процесса обнаружения, изучения, исследования и принятия соответствующего решения о допущении обнаруженного «предмета» к присвоению ему статуса доказательств, в чем, например, может оказать содействие деятельность следователя как должностного лица, уполномоченного в пределах компетенции, предусмотренной УПК РФ, осуществлять предварительное следствие по уголовному делу. Стоит отметить, что до момента, как следователем в установленном законом порядке будет принято законное и обоснованное решение о возбуждении уголовного дела, которое инициирует начало процедуры реализации предварительного следствия, в рамках которой может быть реализован вышеуказанный процесс, последнему надлежит изучить, проанализировать и сопоставить все имеющиеся данные, которые будут являться поводами либо основанием для возбуждения уголовного дела.

Ни для кого не секрет, что наиболее частыми поводами к возбуждению уголовного дела, закрепленными в статье 140 УПК РФ, являются заявление о преступлении либо сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников. Отечественное уголовно-процессуальное законодательство обязует как следователя, так и иных субъектов уголовного судопроизводства, к которым относятся дознаватель, орган дознания, руководитель следственного органа, провести проверку по полученному сообщению в установленный законом срок, который в соответствующем порядке может быть продлен. За соответствующий срок указанному субъекту уголовно-процессуальной деятельности в порядке, предусмотренным нормативно-правовой базой, к которой относятся УПК РФ, а также приказ МВД России № 736 от 29 августа 2014 года «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях», надлежит провести весь комплекс необходимых проверочных мероприятий, направленный на установление обстоятельств произошедшего, без которого принятие законного и обоснованного решения не представляется возможным [10].

Руководствуясь вышеупомянутыми положениями, следователю либо иному субъекту уголовного судопроизводства, уполномоченному в пределах своей компетенции осуществлять

проверку в соответствии с действующими нормами уголовного процессуального законодательства заявления или сообщения о преступлении, к примеру, при отработке поступившего заявления от гражданина — физического лица, у которого обманным путем либо путем злоупотребления доверием посредством осуществления телефонного звонка с неизвестного последнего абонентского номера совершили хищение принадлежащих ему денежных средств с использованием мобильного приложения «СбербанкОнлайн», надлежит провести проверку. Указанная проверка будет включать в себя проведение следователем необходимых следственных или иных процессуальных действий, потребность в которых может возникнуть и совокупность которых позволит последнему на данном этапе определить наличие или отсутствие в совершенном деянии признаков преступления, за которое Уголовным кодексом Российской Федерации предусмотрено уголовное наказание. Одним из таких неотложных и первостепенных следственных действий, проводимых фактически при отработке любого заявления или сообщения о преступлении или происшествии, является проведение осмотра места происшествия.

Следует оговориться, что в предложенном примере предполагаемого преступления, где в отношении заявителя были совершены мошеннические действия, неслучайно важными и обязательными ситуационными условиями являются наличие аппарата сотовой связи, то есть сотового телефона как способа связи между потенциальным потерпевшим и неизвестным лицом — предполагаемым преступником, а также использование мобильного приложения «СбербанкОнлайн» — иными словами, способа совершения преступления, которым в данном случае будет являться использование интернет-сервиса, обслуживающего клиентов ПАО «Сбербанка России», разработанного для выполнения различных операций с использованием денежных средств.

Применительно к анализируемой ситуации, в рамках которой с обязательным участием заявителя будет проводиться осмотр места происшествия, где после изучения всей имеющейся информации следователю надлежит обнаружить, зафиксировать и изъять имеющиеся следы преступления, которые впоследствии будут подтверждать наличие в поступившем заявлении признаков состава преступления и впоследствии иметь доказательственное значение в процессе установления лица, совершившего указанное преступление.

По данной причине возникает вполне закономерный вопрос — а что же в данном случае будет являться следами преступления? Если, выражаясь фигурально, идти по пути наименьшего сопротивления, то применительно к рассматриваемой ситуации необходимо изъять сотовый телефон, так как, во-первых, с его использованием было совершено хищение денежных средств и, во-вторых, на нем будут присутствовать следы преступления. Тем не менее очевидно, что помимо самого предмета, с использованием которого было совершено преступление, чем в данном случае является сотовый телефон, следами преступления также будет выступать детализация входящих и исходящих соединений абонентских номеров, держателями которых осуществлялись телефонные звонки, владельцем одного из которых будет обратившийся в полицию заявитель, а другого — неустановленное лицо, которому в последующем может быть присвоен статус подозреваемого.

Кроме того, доказательственную информацию, способствующую в дальнейшем раскрытию преступления и установлению лица, его совершившего, также будут составлять сведения о владельце абонентского номера и его соединениях, с которого заявителю неустановленным лицом был осуществлен телефонный звонок, а также сведения об IMEI аппаратов, в которых использовался вышеуказанный абонентский номер, его местонахождение в момент совершения преступления. Данную информацию можно получить только по решению суда на основании ходатайства следователя о разрешении получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами. Указанный материал в рассматриваемом случае будет подтверждать наличие события предполагаемого преступления.

Аналогичным образом следует рассуждать и при анализе способа совершения указанного преступления, которым будет являться совершение противоправного деяния, содержащего в себе признаки состава преступления, с использованием мобильного банка ПАО «Сбербанк», представленного как в виде браузерной версии, так и в виде приложения, устанавливаемого на аппарат сотовой связи и поддерживающего конкретные операционные системы. Иными словами, в этом интернет-сервисе содержится информация о банковских операциях, совершенных с использованием приложения «Сбербанк Онлайн» как заявителем, так и неустановленным лицом, известная многим как «выписка

о движении денежных средств по расчетному банковскому счету» конкретной банковской карты. Кроме того, в упомянутой информационной среде также имеется информация о дате совершенной операции, типе транзакции, ее сумме и месте совершения, выполненной в конкретный интересующий период времени.

Однако обнаруженные следователем сведения, подтверждающие факт наличия состава преступления в поступившем заявлении или сообщении о преступлении и имеющие в последующем доказательственное значение, которые были установлены в период проведения осмотра места происшествия, не могут быть доступны и соответственно представлены в каком-бы то ни было осязаемом предмете, который возможно было бы надлежащим образом упаковать и снабдить соответствующей надписью пояснительного содержания, скрепленной подписями лиц, участвовавших при проведении следственного действия и отпечатком печати, чтобы приобщить его к материалу доследственной проверки. Полученные сведения являются следами преступления «в самом чистом виде», хранящимися в цифровой среде, которые в последующем смогут быть обличены в электронную форму, например, такую как CD-R или DVD-RW диски, содержимое которых надлежит в последующем подробно и углубленно изучить. И только в процессе их детального осмотра, проведенного в строгом соответствии с положениями статей 176, 177 и 180 УПК РФ, удастся вычленивать важные и значимые сведения, которые по своей природе и по своему содержанию будут являться полноценными и полноправными электронными доказательствами. Впоследствии на основании вынесенного следователем соответствующего постановления данные предметы будут признаны полноценными вещественными доказательствами по уголовному делу. При данных условиях институт электронных доказательств будет востребован не только при расследовании имущественных составов преступлений, как было продемонстрировано ранее, но и при расследовании других категорий преступлений, таких как преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина, в сфере экономической деятельности, против общественной безопасности и общественного порядка, а также в сфере компьютерной информации.

Подводя итог, отметим, что только от правоприменителей, законодателей и ученых будет зависеть, по какому пути пойдет становление

института электронных доказательств. Вышеперечисленные сведения, вычлененные из информационного пространства и содержащиеся на электронном носителе, будут являться вещественными доказательствами, однако при этом недостаточно определенными относительно порядка их изучения и способа хранения, или же полученные сведения будут являться не только вещественными доказательствами, но и электронными — принципиально новыми, имеющими свой особый статус, определяющий понятие, содержание, а также процедуру их использования на различных стадиях уголовного судопроизводства согласно строгому соответствию букве закона.

Список источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ (в ред. от 25 марта 2022 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 19.05.2022) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52. Ч. I, ст. 4921.
2. Бикмиев Р. Г. Бурганов Р. С. Собрание электронных доказательств в уголовном судопроизводстве // Информационное право. 2015. № 3. С. 17—21.
3. Оконенко Р. И. «Электронные доказательства» и проблемы обеспечения прав граждан на защиту тайны личной жизни в уголовном процессе: сравнительный анализ законодательства Соединенных Штатов Америки и Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 158 с.
4. Пастухов П. С. «Электронные доказательства» в нормативной системе уголовно-процессуальных доказательств // Пермский юридический альманах. Ежегодный научный журнал. 2019. № 1. С. 695—707.
5. Вехов В. Б. Электронные доказательства: проблемы теории и практики // Правопорядок: история, теория, практика. 2016. № 4 (11). С. 46—50.
6. Зигура Н. А. Компьютерная информация как вид доказательств в уголовном процессе России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016.
7. Зуев С. В. Электронная информация и ее носители в уголовно-процессуальном доказывании: развитие правового регулирования // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». 2017. Т. 17. № 1. С. 31—35.
8. Марфицин П. Г. Некоторые подходы к формулированию понятия «электронное доказательство» в уголовном судопроизводстве // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 3 (39). С. 106—109.
9. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П. А. Лупинская, Л. А. Воскобитова. 3-е изд. М., 2013. 1008 с.
10. Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской

Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях: приказ МВД РФ № 736 от 29 августа 2014 года. URL: <https://mvd.consultant.ru/documents/1053193> (дата обращения: 15.09.2021).

References

1. Code of Criminal Procedure of the Russian Federation no. 174-FZ of December 18, 2001 (as amended of October 30, 2018) (with amendments and additions, intro. effective of May 19, 2022). *Collection of legislative acts of the RF*, 2001, no. 52, part I, art. 4921. (In Russ.)

2. Bikmaev R. G., Burganov R. S. Gathering of electronic evidence in criminal legal proceedings. *Information law*, 2015, no. 3, pp. 17—21. (In Russ.)

3. Okonenko R. I. "Electronic evidence" and the problems of ensuring the rights of citizens to protect the privacy of personal life in criminal proceedings: comparative analysis of the legislation of the United States of America and the Russian Federation. Dissertation... candidate of legal sciences. Moscow, 2016. 158 p. (In Russ.)

4. Pastukhov P. S. "Electronic evidence" in the normative system of criminal procedural evidence. *Perm legal almanac. Annual scientific journal*, 2019, no. 1, pp. 695—707. (In Russ.)

5. Vekhov V. B. Electronic evidence: problems of theory and practice. *The rule of Law: history, theory, practice*, 2016, no. 4, pp. 46—50. (In Russ.)

6. Zigura N. A. Computer information as a type of evidence in the criminal process of Russia. Dissertation... candidate of legal sciences. Moscow, 2016. (In Russ.)

7. Zuev S. V. Electronic information and its carriers in criminal procedure proof: development of legal regulation. *Bulletin of the South Ural State University. Series "Right"*, 2017, vol. 17, no. 1, pp. 31—35. (In Russ.)

8. Marfitsin P. G. Several approaches to the formulation of the concept of "electronic evidence" in criminal proceedings. *Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2017, no. 3 (39), pp. 106—109. (In Russ.)

9. Criminal Procedure Law of the Russian Federation ed. by P. A. Lupinskaya, L. A. Voskobitova. 3th edition. Moscow, 2013, 1008 p. (In Russ.)

10. On the instruction on the procedure for the receipt, registration and considering in the territorial authorities of the Ministry of internal affairs of the Russian Federation statements and reports about crimes, administrative offences, accidents: order of the Ministry of internal affairs of the Russian Federation no. 736 of August 29, 2014. URL: <https://mvd.consultant.ru/documents/1053193> (accessed 15.09.2021). (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 18.04.2022; одобрена после рецензирования 18.05.2022; принята к публикации 09.06.2022.

The article was submitted 18.04.2022; approved after reviewing 18.05.2022; accepted for publication 09.06.2022.